

Людмила МАРАВА

ГОСПОДИ! ЭТО — МЫ...

I

Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе.

Максимилиан Волошин

Бессилие постичь кровавую донбасскую правду давно сменилось терпимостью к событиям, которыми наполнен каждый день теперешнего существования. А недавние годы крикливой бравады рождают лишь горечь и печальные сожаления.

Как больно... Горестная трагедия. Но что-то все же согревает земную жизнь.

— Вы не сфотографируете нас с другом? — громко окликнул меня парень со скамейки в парке, через который я в тот день проходила. Правая рука незнакомца по-братски уверенно лежала на плече соседа. С виду почти ровесники, каждому до тридцати.левой, свободной рукой незнакомец уже протягивал мне телефон.

— Почему же нет!? — Я дружелюбно улыбнулась и взяла телефон. — С таким я немало знакома, но вы покажите мне кнопку, куда именно надо нажимать, — добавила я и после короткого инструктажа стала медленно отдаляться от лавочки, приравливаясь к кнопке на телефоне, к которой мне надо было прикоснуться.

Сосредоточив взгляд на телефоне, я ждала, пока ребята, еще теснее прижавшись друг к другу, озарили меня дружескими улыбками.

Взглянув на снимок, они одобрительно его прокомментировали, и я заметила, что приятель паренька, меня окликнувшего, говорит с акцентом.

— Скажите, а вы ведь иностранец? — обратилась я к нему.

— О-о-о! Да! — он живо отозвался на мой вопрос.

— А из какой страны сюда приехали? — Мне стало интересно.

Назвав преуспевающую европейскую страну, иностранный гость выразительно посмотрел на своего друга. И тот продолжил:

— Мы вместе несколько месяцев воевали. Случалось, прикрывали друг друга во время обстрелов, там, на передке.

— Там и русскому языку друга учили?

— Да. Трудностей в общении у Криса нет. Да, братан? — и громко похлопал друга по плечу.

Людмила Маравя родилась в городе Макеевке Донецкой области. Окончила Донецкую консерваторию. Печаталась в журналах «Крым», «Дон», «Нева». Живет в Донецке.

— И украинский там попутно изучили? — с немного лукавым любопытством не отставала я.

Ведь передок был в 50 километрах от Донецка, который к моменту начала боевых действий густо населяли кровно породнившиеся на этой земле народы: греки, украинцы, русские. А языком их многолетнего общения стал безальтернативный и толерантный, милый и успокаивающе воспринимаемый на слух суржик. Средство общения, производное от основных языков жителей донбасских областей и густо пересыпанное характерными национальными остроумными поговорками и насмешливыми прибаутками и присловьями, легко-играючи вплетаемыми в повседневную речь.

Мой вопрос вызвал неожиданную реакцию.

— Что?! Украинский?! Да его надо вообще со всеми его корнями отсюда вырвать! — Парень мгновенно сбросил руку с плеча Криса, задышал часто и напряженно и, зло закинув ногу за ногу, вытащил из кармана брюк пачку сигарет. Нетерпеливым щелчком пальцев привычно выбил из пачки одну и тут же закурил. Резко откинул голову и в сердцах что-то пробурчал с раздражением на сразу огрубевшем лице.

— Ньет, почему же, я знаю несколько слов, — неожиданно нарушил молчание иностранец. — Ви-таю, до-по-ба-че-ння... красуня... — старательно выговаривая слоги мягких по звучанию украинских слов, он, заметно посерьезнев, помогал себе движениями рук. Как будто сам себе дирижировал, облегчая тем самым произношение где-то услышанных и запомнившихся ему своей напевностью слов. И удивившись мгновенно изменившемуся тембру собственного голоса, который он слышал как будто со стороны, парень смотрел на меня широко распахнутым, пронизательным взглядом.

Прижившийся на этой земле братоубийственный раздор безжалостно скомкал недавнюю искренность нас троих. И я не удивилась, как быстро испортилось мое настроение.

— Да ладно, ребята, отдыхайте. А... к слову, вы же тоже не местный? — сделав несколько медленных шагов от скамейки, я обратилась к жадно курящему незнакомцу.

— А с чего вдруг вы так решили? — Острая колючесть его внезапно сощурившихся глаз заставила меня выпрямиться и, чего уж там, признать:

— Да знаете, резковат на слух ваш говор... Без старания, но слишком четко произносите Г. Не по-нашенски...

— Неужели? — Парень задиристо удивился. — А мне никто об этом не говорил.

— Так вы тоже приезжий?

— Так точно. — И он назвал город на Волге.

— О! Низкий поклон Волге...

Всю жизнь упиваясь творчеством Ивана Бунина, Михаила Пришвина, подолгу и с замиранием сердца смакуя милую моему сердцу «Олеся» Александра Куприна, перечитывая романы Валентина Пикуля, мечтая в юности о своих алых парусах, как у Александра Грина, боготворя народную гениальность Максима Горького, воскрешающего испоганенную холопским лизоблюдством человеческую совесть, я навсегда и добровольно вросла в величие русского языка. Сама того не заметив, как естественно он сформировал смысл моей беспокойной жизни. Полюбившиеся мне слова истинной правды и по сей день формируют мое мировоззрение. Слова эти убивают отвратительную плесень пустозвонства, не позволяют впадать в транс тупоумия.

Несколько дней спустя после запомнившейся мне случайной встречи в парке довелось узнать, что известная украинская певица вслух отказалась исполнять песни на русском языке. К слову, их в ее репертуаре несколько дюжин. Родилась певица в России, а обрела свою счастливую долю на Украине.

Для меня Украина (а это большая часть моей жизни) связана прежде всего с очарованием гоголевских текстов, музеем Михаила Булгакова на Андреевском спуске. Обожаю этот мир! По-настоящему постигаешь его с обретением жизненной мудрости.

И дело вовсе не в том, что чудесная буква Г по-разному произносится по-русски и по-украински. А в том, что, говоря на разных языках об одном и том же, невозможно разным произношением искорректировать смысл одних и тех же понятий.

Главное в том, как разительно отличается теперь Донецк от того города, которым он был еще несколько лет назад. От ежедневных обстрелов окраин, смертельных прилетов тяжелых снарядов в центре он задыхается, но в то же время переживаемый трагизм наполняет новым смыслом его бытие.

По слухам, теперь в городе проживают чуть более 600 тысяч человек — немного больше половины довоенного миллиона. Все еще внушительна по численности непотопляемая пенсионерская тусовка, держащаяся на плаву своих нищенских доходов, оскудевших у очень многих после потери украинских пенсий. Ускоренными темпами она разбавляется переселенцами из России. Они охотно вливаются в самобытный край, деловито снуют под многочисленными городскими рекламными щитами, обещающими региону не виданное доселе процветание.

По кодам регионов на номерах машин можно понять, откуда сюда приезжают люди. Непонятно пока, насколько профессионально они чему-то обучены, насколько они порядочные. География современного донецкого паломничества впечатляет и даже ошарашивает! Как всегда и везде, шикуют на люксовых авто москвичи. Изголодавшихся по солнцу потомков Ломоносова, например, манит почти полгода летнего тепла. Бывает оно по-настоящему знойным. Но этим летом часто дождало. Город не заливало потоками воды. Но сорняки вымахали выше человеческого роста. И с невыносимой наглостью колосились на виду у каждого жителя.

Не поддающаяся счету городская будыльная шпана отвоевывает сантиметр за сантиметром вылинявшую на жгучем солнце землю. И живописно цветут репейно-лопуховые беспризорники, как привередливые цветы на клумбах, вгрызаясь в разросшиеся до безобразия кустарники. Бездельничают они и вдоль городских дорог, согретые теплым южным солнцем.

При хронической бесхозности ныряют они и в жилые городские дворы, скрывают до поры до времени бесчисленные воронки от снарядов в асфальте... Не позавидуешь европейским авто, оказавшимся случайно в донецких дворах. Судьба их ждет незавидная.

Сутками не вывозится из дворов мусор: перегнивающие под палящим солнцем бытовые отходы наполняют воздух едким зловонием. Свыкшиеся со всем происходящим граждане и пьют, и едят, и квартирное старье в коробки пакует тут же, у мусорных ящиков. Утром туда лучше не смотреть. Ночью бездомный люд все по-своему там переупаковывает. Что-то, разрывая пакеты с отбросами, забирает себе, что-то намеренно доламывает. Озлобившись от своей ненужности этому миру, здесь же, у ящиков, угрюмый народ, третьесортное человеческое детище донбасской трагедии, равнодушно и облегчается — справляет малую, а то и большую нужду. Потеряли стыд живые.

Не до культуры. Случайно оказавшись в районе, где находится местное Министерство культуры, с досадой смотрела на развалившиеся ступеньки здания, сквозь трещины в которых, как и повсюду, буйно выбивались сорняки и бурьян. По ним здешний министр каждый рабочий день поднимается к вершинам «культурности». О ней он много и с видом знатока что-то говорит на камеру или в микрофон. Везде успевает...

Да и немудрено вписаться в напряженный график, передвигаясь на иномарке по расхлябанному, удручающему городу с важностью провинциальной VIP-персоны. Не спотыкается министр от культурных усилий особой важности.

Можно возразить: война. Можно и парировать: она не в центре. Здесь царит безмятежность. Лениво прохаживаются по бульвару нарядно одетые люди. Перебивая запах дорогих парфюмов, дымят шашлычно-луковой пеленой удачно адаптировавшиеся к мутным обстоятельствам кафе и рестораны. Удачно, потому что не уклады-

вается в голове, как могут такие заведения функционировать во время тотального городского безводья. Хотя уже месяц, как вода течет по городским трубам через день. Но это, как и всегда, исключительно в центре.

Донецкие районы на линии фронта словно жертвенные алтари бесконечного, кровью оплаченного подвига тамошних страдальцев ради Всевышнего. Поразительна сила их терпения, непостижима живучесть, не дающая уйти в мир иной и поддерживаемая крохами благотворительности. Приезжают в те районы, зияющие остовами жилищ, волонтеры. Ни один их визит не остается не зафиксированным на камеру. Думаю: а как же живут там эти нищие люди, голодая, бедствуя и взирая на окружающий их мир из своих аварийных укрытий, отмахнувшись от проклятой фатальности своих судеб? С безразличием обратившееся в бесцветных обитателей трущоб бывшее высокосоциальное трудовое население Донбасса. В навороте больших и маленьких лживых обещаний, между «благодетельными» визитами туда профессионально заматеревших волонтеров — есть теперь и такая профессия! — однако презревшее притворство. Своим присутствием в донецкой безысходности провозглашая: не притворяемся — ВЫЖИВАЕМ!

Но даже там давно не растерянные, давно не подавленные, давно на крутом обрыве донецкой цивилизации люди осознали: жизнь не бывает, не может она быть нормированной, измеренной несколькими пачками стирального порошка и двумя-тремя баллонами питьевой воды. Или пакетами сахара и круп.

Жизнь — всегда стихия, сродни испытанию на прочность. Если удастся доказать, что прочность иссякла и безнадега сдавливает горло, то ворохом подтверждающих справок, хождением по кабинетам всяческого доверия в местных государственных учреждениях, где выдают такие справки, на правах полуголодной подвальной крысы разживешься помощью от государства аж в 500 рублей!

Щедро! Вполне по-современному, потому что понятно: это — аж на целый месяц допинг милосердия! Гуляй, степной бродяга! Гуляй и помни: за полгода счетчик хорошо просчитанной бескорыстности натикает в твой дырявый карман 3000 целковых. Три тысячи! Не закружится пусть твоя голова от нулей в руках, абориген эпохи благодарственных объятий!

Не сомневаюсь: конъюнктурщики-приспособленцы в таких районах не живут. Они давно и жирно кучкуются во все том же донецком центре.

II

И что тут вообще можно увидеть, если времени — в обрез. И если видишь только то, что хочешь видеть. И равнодушно, с ничего не видящим взглядом пройдешь мимо скамейки в мини-парке у Кальмиуса, на которой сидит пожилая женщина. И только нечаянным, случайным поворотом головы заметишь кошечку, которую женщина, склонившись всем телом на правый бок, бережно пригрела у подбородка.

Остановившись как вкопанная при виде трогательной сцены, не могу не спросить незнакомку:

— И сколько же денечков от роду вашей Мурлыке?

— Уже четвертый месяц. Только она не Мурлыка, а Мурочка, — женщина, лаская кошечку теплым взглядом и удерживая одной рукой ее хрупкое тельце, нежно ее гладит другой. Кошечка, комочком живого женского счастья и душевного спокойствия, украшает ярким пятнистым трехцветием — черно-бело-рыжие разводы шерсти — скромное платье женщины. И пристально рассматривает меня.

Дальше, беседуя о том, что всегда волнует любителей кошек, я узнаю: большие перемены ожидают женщину и ее котенка.

— Едем мы скоро с Мурочкой в Украину. Уже и переноску я для поездки купила.

— Господи! Да что же так?! По нынешним временам — это же три границы! Верных трое суток кромешного ада! А то и больше! А что, нельзя Мурочку с кем-нибудь здесь оставить?

— Я и не думаю об этом. Знаете, неожиданно для меня самой оказалась она у меня. Тогда лежала я у себя дома одна после затяжных сердечных приступов. А знакомая позвонила и предложила удочерить котенка. Говорит, очень целебно для сердечников все кошечки поют, то есть мурлычут. Я поинтересовалась и узнала, что кошачье пение действительно лечит сердце... избавляет от стрессов... успокаивает. Без долгих раздумий я принесла Мурочку домой. Пусть, думаю, гонит прочь из моего дома одиночество. Не поверите, ни одного дня потом об этом не пожалела. Очень умной она оказалась. Знает свой лоток, умеренна в играх. И очень любит сидеть на кухонном подоконнике, внимательно наблюдает за природой за окном. А то и ласково посматривает на меня, присматривается, кисуля моя, как я у плиты кашеварю, — щедрые всплески нежности, которыми женщина улаживает кошечку, коснулись и моего сердца. Приятно.

— Я поняла. И спит она с вами.

— Да. И спит она со мной. Как будто знает, что сердце у меня немного шалит. Как только я ложусь в постель, тут же прыгает ко мне на грудь. А уж как начинает петь... так я и засыпаю. Ни разу в ноги не спустилась; если я на бок лягу, она рядышком пристроится. И все как всегда: мурлычет, поет, а то еще и лизать меня начинает да всю меня лапками мягко массирует, — женщина еще крепче прижала к себе котенка.

— Валокордин уже не пьете, — я озорно улыбнулась.

— Нет, не пью. А спать по ночам действительно лучше стала. Теперь вот надо приучить Мурочку к людям. Чуть погода я выпущу ее на травку, пусть побегает.

— Блох не боитесь? Много здесь живности выгуливается.

— Да есть у нас уже ошейник от блох. В другой раз ей надену.

— А в Украину надолго? — словоохотливое дружелюбие незнакомой женщины располагало к беседе.

Цель ее предстоящей поездки ошеломила меня.

— А едем мы в Украину, потому что моя внучка выходит замуж, — женщина посадила Мурку к себе на колени, где та свернулась пышным шерстяным шариком. И продолжала: — Не виделась я с ними, с дочкой и внучкой, уже... — усиленно шевеля бледными губами, женщина мысленно, в который раз, заученно, пересчитывала в голове годы разлуки со своими детьми. — Да, уже пятый год... Раньше получалось навещать их. Трудно было, но ездила к ним, лишь бы только увидеться. А потом карантин... Теперь война... У дочки, понимаете, там хорошая работа. А внучка уже университет в Киеве кончает. Будет она у нас... наша Наталка юристом. А теперь, как снег на голову, новость о ее свадьбе.

— Надо ехать... — неопределенно сказала я.

— А как же! Венчальный рушник! Наш семейный! Намоленный! Я должна привезти его на свадьбу!

Вспоминая свой рушник, белоснежно-льняной, бережно хранимый в моей семье, аккуратно расшитый крошечными красно-черными крестиками моей бабушкой, я вспомнила и важность проводимого в день свадьбы ритуала: становясь во время венчания на вышитый рушник, молодые получают благословение свыше. Но еще нужен и другой рушник — для благословения молодых иконой.

— Как же это здорово! Вы вышивали рушник для своей внучки?!

— Нет, не я! В нашей семье он хранится с благословения моей мамы, — и после паузы: — Моя мама с ним венчалась... Я с ним венчалась, потом моя дочка. Теперь мы с дочкой должны передать его моей внучке. Пусть ее семейная жизнь будет долгой и счастливой... Все хорошо у нее сейчас складывается... Пусть и дальше хранит ее Господь... Добрыми словами и своими молитвами хочу передать я ей защиту нашего рода от бед... Фотографии вот еще, тоже наши, семейные, хочу передать ей как оберег нашего рода. Чтобы помнила своих родных. Добрыми словами их вспоминала... — женщина бережно поправила деревянный крестик, что мягко лежал на ее груди. И немного потянула назад простую темную веревочку, на которой крестик легко скользил по ее телу.

— Представляю, как ждут они вас... И как же молодой женщине начинать новую жизнь без вашего благословения, берегини семейных ценностей...

— Очень ждут! Нам с Мурочкой надо торопиться... И пережить испытание. Не знала же я о предстоящей поездке, не те обстоятельства были тогда, когда Мурочку брала в свой дом. Теперь она будет моим талисманом. Ой... как же бьется ее сердечко... — женщина, опять пристроив котенка под подбородком, мило улыбнулась.

— Тяжелый путь вам предстоит... — согласилась я. Уже тогда не сомневаясь, что ее поездка за тридевять, обогранных свинцовым ужасом братоубийства земель обязательно состоится. Не бросают на ветер слова о семейном счастье. Драгоценная их благодать ложится на совесть грузом особой ответственности. Нужно обязательно донести их упоительно светлую силу.

Мучительно трудно пыталась я уснуть тем вечером. Несколько дней прошло, как громкими словами, песнями-плясками отгремел по городам и весям День семьи. Пыталась я понять суть празднества. Особенно после встреч с пожилыми одинокими людьми, то и дело оказывавшимися на моем жизненном пути. После них накатывала пронзительная тоска о близких людях, вырванных из своих семей, оказавшихся в чужом далеке.

Отчетливо помню тот день, когда узнала о картине «Это мы, Господи!» Бориса Михайловича Неменского, художника, отметившего недавно столетний юбилей. Исторически правдивое откровение художника сразило меня наповал. Ему удалось донести до людей первозданный смысл трагедии Второй мировой войны. Он, принимавший участие в штурме Берлина в мае 1945 года, документально достоверно отобразил на холсте одно из реальных последствий одного боя. Не был он его участником и свидетелем. Но очень тонко уловил, что приносит в мирную жизнь любая война. Любая война — как истинное зло. Истина о ней вдумчиво и глубоко постигается посредством искусства. При помощи любого вида человеческого творчества.

Из воспоминаний о Второй мировой войне Бориса Неменского:

Я был военным художником. Начало 1943 года. Я шел в Великие Луки из частей, застрявших в болотах под г. Холм. А здесь начались активные боевые действия. И весь город был спален, был зоной пустыни — ни одного живого человека, ни одного целого дома. Когда я подходил к городу, там шли яростные бои. Наступал вечер. Я шел пешком, с полной выкладкой солдата-художника. Шел долго, устал. И сел на торчащий из-под снега то ли камень, то ли пенек пожевать сухарь и дать ногам отдохнуть. Неожиданно заметил, что поземка прямо подо мной колышет траву. Но трава зимой не мягкая, колышаться от легкого ветра не может. Всмотрелся, встал. Оказалось, что я сижу на мертвом немецком солдате — почти полностью занесенном. Колебались рыжеватые волосы. Мне удалось легко перевернуть еще не вмерзшего в лед немца. И я был поражен — мальчишка, юноша моего возраста и даже чем-то

похожий на меня... Может быть, поэтому я не смог здесь написать — труп... Несколько часов тому назад он был человеком. Живым. Фашистом? Это был мой первый фронт и первый враг, увиденный лицом к лицу. Я ведь уже видел разрушенные, выжженные села, колодцы с детскими трупами. Неужели этот похожий на меня мальчишка... Мой год рождения — 1922 — оказался одним из самых выбитых в годы Отечественной войны. Я остался жив. А из моего класса на этих полях остались очень многие. Мог остаться и я. И так же колыхались бы русые волосы — мои.

Этих слов художника — можно ли считать немцев людьми после всех сотворенных ими злодеяний? — оказалось достаточно, чтобы увековечить на полотне никогда не стихающую суть человеческой ненависти в реальных человеческих образах. Увидеть эту дышащую исторической правдивостью картину обязан каждый, вне зависимости от его национальности и вероисповедания. Ведь именно этими категориями жестко разделено человечество на подкасты. И в то же время, увидев картину, заставить себя осмыслить увиденное: на истерзанной человеческим, зверино-варварским насилием земле лежат два солдата — советский и немецкий. Оба мертвы. Преодолев ужас оцепенения, внезапно обострившимся взором замечаешь главное: лежат парни рядом, голова к голове. Оба — густо-вихрасто светловолосые, оба — отчаянно молодые, оба — так и не осознавшие случившегося: понятная без переводчиков трагедия смерти, несвоевременной, не могущей быть оправданной никакими словами.

Прием контраста проясняет замысел художника: немецкий солдат — в черной форме. Русский — в линялой, обесцвеченной солнцем, светлой. Одинаково она полевая, у русского и летом, и зимой. Пропитанная соленым потом. И летом, и зимой, и осенью, и весной — в годы той войны, овеванной советским патриотическим оптимизмом.

И нет до всего этого никакого дела природе, застывшей вокруг погибших солдат в безмолвии, безучастно отстранившейся от беспросветной тьмы чуждого ей взаимоничтожения. Но... Надо будет — примет земля останки погибших на безымянной высоте в свою крошечную тьму. Надо будет — навсегда останутся они в ней безлики и неизвестными участниками случившегося.

Но очень оказалось надо, чтобы сейчас, сегодня буйно ожила, встряхнулась, взбунтарилась оглушительным ором здешняя, донецкая земля, разрыдалась матушка-кормилица, многоголосым реквиемом почтила бы память всех погибших на Донбассе. Чтобы проросла увесисто важными словами проклятая ноша чудовищной кровавой беды, невыносимым гнетом придавившая донецкую землю.

Предельно откровенно Борис Неменский, достигнув вершин человеческой мудрости (столетний юбилей!), сам дал объемное и глубокое толкование своей необычной картины:

Для меня в итоге на этом холсте решалась отнюдь не проблема фашисты-коммунисты, а, к сожалению, извечная проблема человечества: европейцы — индейцы, армяне — азербайджанцы, католики — протестанты, мусульмане — христиане, красные — белые, в общем, верные и неверные, свои и чужие. Первобытно! Все ведь — опять и опять: индусы и пакистанцы, сербы и албанцы, турки и... израильтяне и... мы и... и т. д. Доколе длиться этой братоубийственной бойне? И картина, родившаяся от проблемы 1943 года, оказалась лишь частным выражением пока вечной проблемы. Надеюсь — и поиском решения. Враги — братья. Да, братья!

Рутинность мышления, как утверждают психологи, достаточно быстро преобразуется в качественно новое восприятие мира под влиянием новых идей или возникно-

вения каких-то проблем. И если творение человеческого разума, созданное под влиянием необычного жизненного обстоятельства, должно активизировать чувственное восприятие у человека, умственно постигающего продукт творчества, то отозваться на картину Бориса Неменского — значит проявить созвучие своей души затронутой художником проблеме: любая война чудовищна! Насилие — проявление внутреннего морального убожества.

И дальше озадачиваешься закономерным вопросом: а где же были и есть все те, от кого могло бы зависеть ее абсолютное отрицание в человеческом мире?

Еще Платон говорил, что познание начинается с удивления. Действительно, так. Потому что видимые, визуально воспринимаемые ужасы войны — это лишь надводная часть огромного айсберга проблем. Замешанная на туфте алчного мздоимства экономика, насквозь прогнившая аналитика, искореженное вольнодумством историческое наследие, травмированная бесконтрольностью моральная распущенность на фоне дикой пляски оправдания всяческой финансово-преступной вседозволенности, отрицание чести, совести, попрание святости человеколюбия — с этих долго формирующихся для ее начала предпосылок и начинается любая война.

А потом как следствие разгулявшейся кровавой стихии, когда маховик зверино-человеческого безумия уже невозможно остановить, последний и лукавый вопрос для ее оправдания: так на каком же языке теперь разговаривать?